

Калиева Е.Т. *¹ Рахимкулов Д. А. ²

¹к.и.н., ассоциированный профессор кафедры Всемирной истории

КазНПУ им. Абая, Республика Казахстан, г. Алматы

<https://orcid.org/0000-0002-6538-6691>

E-mail: kalieva.eleukhan@gmail.com

²кандидат исторических наук, ассистент профессор

Университет Нархоз, Казахстан, Алматы, <https://orcid.org/0009-0004-4037-1604>.

E-mail: dauthan1981@mail.ru

ВОССТАНИЕ 1869 ГОДА: РЕФОРМЫ, КРИЗИС ИМПЕРИИ И ОБРАЗ «МЯТЕЖА» В ПРЕССЕ

Аннотация

Статья посвящена восстанию казахского населения 1869 года в Уральской и Тургайской областях, которое рассматривается как проявление системного кризиса колониальной политики Российской империи. Исследование показывает, что реформы, инициированные метрополией, не только не стабилизировали положение на периферии, но, напротив, усилили напряжённость на степной границе. На основе анализа официальных документов, военной переписки и материалов прессы выявляются причины восстания, формы и уровни сопротивления, а также просчёты в действиях административных структур.

Особое внимание уделяется тому, как события интерпретировались в печати, и каким образом имперская власть стремилась контролировать нарратив. Используя методологию «новой имперской истории», постколониальной критики и исторической антропологии, работа выявляет противоречия между центром и периферией, а также показывает восстание не как стихийный бунт, а как осмысленную реакцию на разрушение укоренённого порядка. Это исследование акцентирует внимание на культурных и политических механизмах сопротивления, демонстрируя ограниченность имперской стратегии административного включения степных регионов.

Мы используем современные научные подходы, чтобы понять, как эти реформы воспринимались местным населением и почему они вызвали протест. Через газетные статьи и официальные документы мы показываем, как формировался образ восстания в глазах общества и власти. Восстание показано как результат столкновения двух миров – имперского порядка и традиционного кочевого уклада жизни.

Ключевые слова: Восстание 1869 года; реформы в степи; колониальное управление; Российская империя; административная модернизация; постколониальные и имперские теории; сопротивление кочевников; образ «мятежа» в прессе.

Финансирование: Научная статья реализована в рамках научного проекта «Восстание 1869 г. на территории Западного Казахстана на основе новых архивных материалов», выполняемого Министерством науки и высшего образования РК в рамках ИРН (AP19679738).

Қалиева Е.Т. *¹ Рахымқұлов Д.А. ²

¹т.ғ.к., Әлем тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры

Абай атындағы ҚазҰПУ. Қазақстан Республикасы, Алматы қ.

E-mail: kalieva.eleukhan@gmail.com

²тарих ғылымдарының кандидаты, ассистент профессор

Нархоз университеті, Алматы, Қазақстан

E-mail: dauthan1981@mail.ru

1869 ЖЫЛҒЫ КӨТЕРІЛІС: РЕФОРМАЛАР, ИМПЕРИЯ ДАҒДАРЫСЫ ЖӘНЕ БАСПАСӨЗДЕГІ «БҮЛІКТІҢ» БЕЙНЕСІ

Аңдатпа

Мақала Ресей империясының отарлық саясатының жүйелі дағдарысының көрінісі ретінде қарастырылатын Орал және Торғай облыстарындағы 1869 жылғы қазақ халқының көтерілісіне арналған. Зерттеу көрсеткендей, метрополияның бастамасымен жүргізілген реформалар перифериядағы жағдайды тұрақтандырып қана қоймай, керісінше, дала шекарасындағы шиеленісті күшейтті. Ресми құжаттарды, әскери хат алмасуларды және баспасөз материалдарын талдау негізінде көтерілістің себептері, қарсылықтың нысандары мен деңгейлері, сондай-ақ әкімшілік құрылымдардың әрекеттеріндегі қателіктер анықталады.

Оқиғалардың баспасөзде қалай түсіндірілгеніне, империялық күштің «қалыптасқан түсінікті» (нарративті) бақылауға қалай ұмтылғанына ерекше назар аударылады. «Жаңа империялық тарих», постколониалдық сын және тарихи антропология әдіснамасын пайдалана отырып, бұл зерттеу орталық пен шеткері аймақ арасындағы қайшылықтарды ашып көрсетеді, сонымен қатар көтерілісті стихиялық көтеріліс ретінде емес, орныққан тәртіпті жоюға бағытталған мәнді реакция ретінде көрсетеді. Бұл зерттеуде далалық аймақтарды әкімшілік ббіріктірудің империялық стратегиясының шектеулерін көрсете отырып, қарсыласудың мәдени және саяси механизмдеріне назар аударылады.

Біз бұл реформаларды жергілікті халықтың қалай қабылдағанын және олардың неліктен наразылық тудырғанын түсіну үшін заманауи ғылыми әдістерді қолданамыз. Газет мақалалары мен ресми құжаттар арқылы көтеріліс бейнесінің қоғам мен билік алдында қалай қалыптасқанын анықтаймыз. Көтеріліс екі дүниенің – империялық тәртіп пен дәстүрлі көшпелі өмір салтының қақтығысының нәтижесі ретінде көрсетіледі.

Кілт сөздер: 1869 жылғы көтеріліс; даладағы реформалар; отаршылдық басқару; Ресей империясы; әкімшілік жаңғырту; постколониалдық және империялық теориялар; көшпелілердің қарсылығы; «бүліктің» баспасөз бетіндегі бейнесі.

Қаржыландыру: Бұл ғылыми мақала Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігі жүзеге асырған «Жаңа мұрағаттық материалдар негізіндегі Батыс Қазақстандағы 1869 жылғы көтеріліс» ИРН (AP19679738) ғылыми жобасының бір бөлігі ретінде дайындалған.

Kaliyeva Y. T. *1 Rakhimkulov D.A. 

¹*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Kazakhstan, Almaty*

E-mail: kaliyeva.eleukhan@gmail.com

²*candidate of Historical Sciences, Assistant Professor, Narxoz University, Almaty, Kazakhstan*

E-mail: dauthan1981@mail.ru

THE 1869 REVOLT: REFORMS, THE CRISIS OF THE EMPIRE AND THE IMAGE OF “REBELLION” IN THE PRESS

Abstract

The article is devoted to the uprising of the Kazakh population in 1869 in the Ural and Turgai regions, which is considered as a manifestation of the systemic crisis of the colonial policy of the Russian Empire. The study shows that the reforms initiated by the metropolis not only failed to stabilize the situation in the periphery, but, on the contrary, increased tension on the steppe border.

Based on the analysis of official documents, military correspondence and press materials, the causes of the conflict, forms and levels of resistance, as well as miscalculations in the actions of administrative structures are revealed.

Particular attention is paid to how events were interpreted in the press and how the imperial authorities sought to control the narrative. Using the methodology of “new imperial history,” postcolonial criticism, and historical anthropology, the work reveals the contradictions between the center and the periphery and shows the uprising not as a spontaneous rebellion but as a meaningful reaction to the destruction of the established order. This study focuses on the cultural and political mechanisms of resistance, demonstrating the limitations of the imperial strategy of administrative inclusion of the steppe regions.

We use modern scientific approaches to understand how these reforms were perceived by the local population and why they provoked protest. Through newspaper articles and official documents, we show how the image of the uprising was formed in the eyes of society and the authorities. The uprising is shown as the result of a clash between two worlds – the imperial order and the traditional nomadic way of life.

Keywords: 1869 uprising; reforms in the steppe; colonial administration; Russian Empire; administrative modernization; postcolonial and imperial theories; nomadic resistance; image of “rebellion” in the press.

Funding: *This research article was produced as part of the research project “The uprising of 1869 on the territory of Western Kazakhstan on the basis of new archival materials,” carried out by the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan as part of the IRN (AP19679738).*

Введение

Казахское восстание 1869 года представляет собой значимое проявление противодействия имперским реформам, проводимым на территории степи в период перестройки управления окраинами. В обстановке административных преобразований Российская империя пыталась подчинить местные формы самоуправления централизованной модели. Однако внедрение новых порядков вызвало острую реакцию со стороны степных обществ, оказавшихся в ситуации давления на религиозную, правовую и культурную автономию. Данная статья стремится раскрыть комплексную природу этих процессов через анализ медиа-прослеживания событий, выявить причины восстания, его ход и отражение в прессе, а также оценить восприятие событий обществом через медиа - пространство.

Восстание 1869 года Казахской степи было значимым событием, связанным с введением новой административной реформы, известной как «Положение» [1, с.394]. Эта реформа изменила управление регионом, заменив традиционных местных лидеров на русских чиновников и увеличив налоги. Исследование источников, таких как газеты и официальные документы, помогает понять причины и последствия этого восстания.

В отличие от широко известных восстаний под руководством Кенесары Касымова, события 1869 года долго оставались в тени академического интереса, воспринимаясь как частная локальная реакция на реформу. Однако современное развитие постколониальных и имперских исследований позволяет переосмыслить значение этого восстания как важного симптома системного кризиса имперской политики управления кочевыми народами. Эта реформа значительно меняла традиционный образ жизни казахов, провоцируя социально-политический кризис и открытое сопротивление.

Административные реформы 1868-1869 годов на казахской территории касались всех аспектов жизни – власти, налогов, судопроизводства. Вместо привычных султанов и мулл империя предложила назначенных чиновников, новые сборы и бюрократические нормы. Для степи это выглядело не как модернизация, а как чуждая волна, ломавшая привычный уклад. «В поисках новой имперской истории» авторы фиксируют, что империя строилась как сеть отношений, где решения центра сталкивались с региональными реалиями:

«имперская система строилась не исключительно по вертикальной модели, а чаще как сеть отношений...» [2, с. 7]. Иными словами, Петербург считал, что встроится в местный контекст, но вместо диалога навязал свои правила. Эдвард Саид описывает, как метрополия воспринимает Восток через призму контроля и стереотипов – как «Другого»: «Ориентализм... обеспечивает политическое, экономическое, культурное и социальное господство Запада» [3, с. 3]. И действительно, в России степь рисовалась как «дикая» и требующая «приручения».

Поэтому восстание 1869 года – это не просто бунт из-за налогов. Это ответ на структурное вмешательство, на попытку инакомыслящей степи заявить о своём праве голоса. Степь сказала – мы не просто земля, которую можно завоевать, мы – сообщество, которое хочет быть услышанным. Административные реформы 1868-1869 годов на казахской территории не были абстрактными предписаниями – они реально касались всех сферы жизни. Изменения в праве, налогах и порядке переселения затрагивали суверенитет родов, их лидерство и образ жизни. Это не просто «изменения сверху», а вызов существовавшей системе ценностей.

Новая имперская история (New Imperial History) [2] предлагает рассматривать империю не как монолитную структуру, транслирующую власть из центра на периферию, а как поле сложных взаимодействий между разными уровнями власти, идентичностей и практик. Империя в этом понимании – это не только аппарат насилия, но и пространство переговоров, адаптаций и отказов. Такой подход позволяет более тонко анализировать, каким образом местные элиты, кочевое население и имперские чиновники участвовали в процессе «имперского строительства» – как поддерживая, так и подрывая его.

Как отмечают исследователи «В поисках новой имперской истории», империя – это не просто власть, а взаимодействие множества акторов, где центральные решения сталкиваются с местными практиками и сопротивлением: «имперская система строилась не исключительно по вертикальной модели, а чаще как сеть отношений, дискуссий и конфликтов» [2, с. 5-7]. То есть метрополия ориентировалась на диалог, но на своих условиях – до тех пор, пока степь понимала это как равноправие, а не диктат. Бурбанк и Купер в «Empires in World History» (Империи в мировой истории) подчёркивают: «Империи зависели от дифференцированного правления... не от унификации, а от переговоров...эти формы власти – конкурирующие, соперничающие, пересекающиеся – были основой многомерной империи, а не централизованно организованного государства» [4, с. 9-10]. В такой конфигурации любые попытки навязать единую бюрократическую модель без учёта местных норм воспринимаются как экзистенциальный вызов.

Эдвард Саид показывает, как метрополия превращает «иных» в объекты наблюдения, стереотипов и контроля: «Восток не только граничит с Европой, но и является местом расположения самых больших, богатых и старых колоний Европы» [3, с.13]. В случае Казахстана – это попытка «обезличить» степь, представить её как «дикую» и «неустойчивую», которую нужно «укротить». А когда такие образы не принимаются, возникает сопротивление – как в 1869 году. Поэтому восстание нельзя сводить к эпизодам – это была реакция на системный империализм: включение казахов в сеть денежных и правовых отношений, определённых извне. Это был коллективный жест – запрос на право сохранить самостоятельность и право голоса. И в этом смысле 1869 год становится репликой степи, ответом на попытку превратить её в «административный аттракцион» Петербурга.

Уилл Сандерленд в «Укрощение дикого поля» (Taming the Wild Field) подчёркивает, что освоение степей не было прямым переносом европейских норм: «Пройдя тысячу лет... чужое поселение... само по себе постоянно менялось» [5, с. 11-12]. Он показывает, что власть России внедрялась через взаимодействие и адаптацию, но не всегда учитывала локальные особенности.

Восстание 1869 года в Уральской и Тургайской областях нельзя воспринимать только как спонтанный бунт против налогов или новых порядков. Это был протест, выросший из

конфликта между старой степной жизнью и попытками империи переделать её по своим лекалам. Российская власть стремилась упростить управление степью, заменить местных лидеров на чиновников, ввести единые налоги и унифицированные административные нормы. Но такие изменения воспринимались в степи как угроза привычному укладу и духовной автономии.

Как отмечает Р. Крюс, мусульманские сообщества в составе империи не были пассивными объектами правления – они вели постоянный «диалог с государством», маневрировали, вступали в компромиссы, но в нужный момент открыто выражали несогласие с властью [6, с. 24-26]. Именно такой диалог оборвался в 1868-1869 гг., когда реформы привели к разрушению привычной системы посредничества, основанной на роли султанов и мулл, и замене её бюрократической вертикалью. Соппротивление казахских родов было осмысленным и разносторонним. Оно выражалось не только в вооружённых нападениях, но и в демонстративном отказе сотрудничать: местные лидеры игнорировали приезды комиссий, общины отправляли прошения с требованием оставить исламскую судебную практику, позволить свободный выбор мулл, освободить от рекрутчины и сохранить свободу кочевков.

Империя, напротив, старалась представить ситуацию как временное нарушение порядка. В освещении событий печатью прослеживается стремление власти нейтрализовать политическое значение конфликта. В официальной прессе – таких как «Русский инвалид» – события описывались как «волнения», избегая признания их политической природы. Такая риторика служила попыткой сохранить образ стабильности и оправдать вмешательство как «цивилизующую миссию» [9, с.2-3]. В частности, «Русский инвалид» избегал употребления термина «восстание», заменяя его на «беспорядки», «волнения», что вписывается в схему создания «цивилизующего нарратива» империи, описанную в работах Е.Саида и А.Столера [3, с. 3; 8, с. 153]. Однако, как подчёркивает А. Эткинд, именно такие формы «отказа от участия» следует понимать как формы глубинного политического жеста – способа заявить о своём несогласии с новым порядком на языке, который не требует официальных каналов. Аналогично, по мнению А. Эткинда, отказы от сотрудничества и повседневное сопротивление могут быть формами политического высказывания в условиях ограниченного доступа к формальным каналам выражения недовольства [7, с. 118]. Таким образом, восстание не было иррациональным всплеском насилия, а отражало продуманные стратегии реагирования на насильственную трансформацию административной среды.

Таким образом, восстание стало проявлением политической субъектности казахских общин, заявивших о праве самим решать свою судьбу в условиях, когда прежние каналы представительства были разрушены, а новые ещё не стали легитимными.

В 1860-1870-е годы имперская администрация предприняла масштабную попытку унификации степного управления, стремясь внедрить правовые и административные нормы, заимствованные из практики европейской части России. В 1865 году была образована комиссия под председательством статс-секретаря Буткова [10, с.160], призванная пересмотреть систему управления в Степном крае, что впоследствии стало основой реформ 1868-1869 годов. Несмотря на декларируемые цели – внедрение «гражданственности» и развитие правового порядка, – эти реформы были восприняты значительной частью местного населения как угроза традиционному образу жизни, автономии и религиозной идентичности. Имперская администрация реагировала как военной силой, так и информационными мерами.

Материалы. Основу исследования составляют исторические источники первой руки: материалы В.А. Потто «О степных походах» в «Военном сборнике» и другие газетно - журнальные публикации, включая «Русскую мысль» и «Уральские войсковые ведомости», «Современные известия», «Русский Инвалид», «Голос», «Всеобщая газета», «Биржевые ведомости» [11]. Основной массив источников включают исторический анализ, опубликованный в журнале «Русская мысль» в 1891-1892 годах, автором которого является Николай Середа [12, с.40-43]. Он охватывает административные различия, причины

восстаний, военные действия и их последствия. «Материалы для истории последнего киргизского восстания 1869-1870 гг.», утверждают, что восстание было вызвано введением «Положение», сопротивлением казахов и внешним вмешательством, например, из Хивинского ханства. В итоге перспективы на события варьируются: официальные источники видят реформы как благо, а критические – как поспешные и угнетающие, что отражает сложность темы. Автор утверждает, что это восстание нельзя рассматривать как локальный протест, оно отражает более глубокие противоречия в имперской политике России. Особое внимание уделяется дискурсу, сопровождавшему восстание: как имперская администрация и пресса конструировали образ «дикого» и «неблагодарного» народа, требующего «просвещения» силой [13, с.66-90]. Оно демонстрирует пределы возможностей Российской империи в деле включения кочевых обществ и контроль над окраинами. Эти территории, богатые ресурсами и стратегически важные, требовали специфических методов управления, учитывающих кочевой образ жизни местного населения. Однако попытки внедрить централизованные административные реформы часто встречали сопротивление, что приводило к открытому столкновению.

Эти события, известные как последнее «киргизское восстание», стали результатом сложного переплетения внутренних и внешних факторов, включая недовольство реформами, экономические трудности и влияние Хивинского ханства. В 1867-1868 гг. в Казахской степи началась масштабная административная перестройка, приведшая к замене традиционной власти на уездную бюрократию.

Также был проанализирован сборник газетных статей и официальных отчётов за 1869-1871 годы, включая репортаж о нападении на отряд барона фон Штемпеля, опубликованный в «Всемирной иллюстрации» [17] Эти материалы позволяют взглянуть на события как с официальной позиции, так и через призму общественных настроений.

В рамках статьи рассматриваются следующие аспекты: содержание административных реформ 1860-х годов, включая «Положение о киргизах» и деятельность реформаторских комиссий; причины, характер и география восстания; формы сопротивления и мобилизации казахских родов; реакция имперской администрации; роль прессы в формировании образа событий. В заключение, восстание 1869 года анализируется через призму новой имперской истории и постколониальной теории, что позволяет осмыслить пределы возможностей имперской политики включения степных регионов в централизованную систему управления. Эти материалы позволяют взглянуть на события как с официальной позиции, так и через призму общественных настроений.

Методы

Восстание казахов в Уральской и Тургайской областях в 1869 году рассматривается в данной работе через призму современных исторических подходов, совмещающих инструменты новой имперской истории, постколониальной критики, внутреннего колониализма и методов исторической антропологии. Такой подход позволяет анализировать события не как единичный акт насильственного протеста, а как отражение более широких процессов – социальной трансформации, административного давления и сопротивления на локальном уровне.

Опираясь на концепцию империи как пространства многоуровневых взаимодействий, выдвинутую Р.Крюс, мы рассматриваем не только действия казахского населения, но и реакцию имперской власти на местные вызовы, включая административные реформы, изменение налоговой политики и религиозные напряжения [6, с.178]. Важным объектом анализа становится взаимодействие между местными элитами (например, Есет Кутебаров) и имперскими представителями, в том числе через призму доверия, страха, слухов и символических актов. Восстание 1869 года следует рассматривать как симптом кризиса административной адаптации империи к социокультурным реалиям казахской степи. Имперская политика, как показывает Р. Крюс, была направлена на формальное включение мусульманских сообществ в имперское правовое поле, но на практике нередко подрывала их локальные механизмы легитимации власти [6 с. 24-26, 117-121]. Это привело к тому, что

реформы 1868-1869 годов разрушили прежние каналы диалога между населением и властью.

Особое внимание уделяется риторике власти – через изучение газетных публикаций того времени («*Биржевые ведомости*» [25, с. 5-6., 28, 29], «*Уральские войсковые ведомости*» [18, №28, 29, 33], «*Русский инвалид*», [9, с.2-3] «*Современные известия*» [20, 22, 26] и др.) прослеживаются способы формулирования образов «врага», угрозы и мобилизационной идеологии. Эти тексты анализируются как часть имперской системы репрезентации и управления сознанием населения.

Параллельно применяются категории, разработанные в рамках теории внутренней колонизации (по А.Эткинду), что позволяет раскрыть специфику Казахской степи как не просто периферии, а как внутренне и культурно отстранённой части империи, где административные новации воспринимались как вторжение в традиционный порядок.

Для изучения частоты упоминаний ключевых тем, таких как «реформа», «восстание», «Хива», для понимания фокуса текстов нами был использован контент-анализ. А так же для сравнения точек зрения разных источников на причины и участников событий, упоминаний ключевых тем – реформ, сопротивления и репрезентации в прессе сравнительный анализ. Методика включает: контекстуальный анализ риторики власти и народной реакции; переосмысление событий на основе локальных эпизодов (например, отражение нападений, слухов о насильственном крещении, бегство Юрковского и др.); компаративный подход к сопоставлению официального нарратива с реальной динамикой восстания; интерпретацию социальной мобилизации и эмоций (страх, неуверенность, слухи). Например, лингвистический анализ для оценки тона (нейтральный, критический, поддерживающий) и языка, используемого для описания казахов (например, «заблуждающиеся» и «жертвы») и властей (например, «благонамеренные» и «угнетающие»), используемого для описания казахов и российских властей.

Использование нарративов «дикой степи» и «просвещённого центра» в печати вписывается в рамки ориенталистской риторики, описанной Эдвардом Саидом. Восстание же, напротив, демонстрирует наличие собственного политического языка у казахских обществ, который выражался как в вооружённых действиях, так и в форме правовых требований. Эти методы помогут выявить, как исторические нарративы формировались и как они отражают культурные и политические контексты того времени. Но есть и оценка ограничений: так как нами были рассмотрены только преимущественно русская периодика, и их влияние на интерпретацию событий. Тем не менее, анализ проводился с акцентом на историческую достоверность и объективность, хотя ограниченный доступ к полным текстам документов потребовал опоры на их краткие содержания. Эти методы помогают выявить, как исторические нарративы формировались и как они отражают культурные и политические контексты того времени.

Таким образом, в работе предпринята попытка выйти за пределы стереотипного взгляда на восстание как исключительно антирусское, и показать его как сложный исторический процесс, в котором сошлись реформаторские амбиции центра, политическая практика на местах и разнообразные формы казахской реакции – от повиновения до вооружённого протеста. Их использование позволяет преодолеть односторонние интерпретации восстаний как либо «национально-освободительных движений», либо проявлений «диких» протестов против прогрессивных реформ.

Постколониальные исследования акцентируют внимание на неравенстве власти, знания и языка в колониальных системах. В этом контексте восстания, подобные казахскому восстанию 1869 года, предстают не просто как отклик на административные преобразования, а как выражение культурной и социальной субъектности тех, кого империя воспринимала исключительно как управляемую массу. Имперская риторика – будь то официальные отчёты или публикации в печати – играла ключевую роль в легитимации колониального насилия, формируя образ «другого» как опасного, иррационального и нуждающегося в контроле [6, с. 178-184]. В такой рамке историческая антропология

помогает проследить, как страхи, слухи и повседневные реакции казахского населения стали неотъемлемой частью сопротивления. К примеру, как показал Роберт Круз, слухи о насильственном крещении и рекрутском наборе вызвали массовую тревогу и выступали триггером к мобилизации исламской и родовой солидарности [6, с. 157]. Таким образом, даже стихийные формы протеста оказывались глубоко укоренёнными в культурной и религиозной ткани общества, а восприятие реформ – интерпретировалось как угроза самому существованию традиционного уклада.

Комбинация этих подходов позволяет выйти за рамки бинарных моделей («цивилизаторы» и «отсталые туземцы», «восстание» и «подавление») и рассматривать 1869 год как момент кризиса и переопределения отношений между империей и кочевым миром. Современные методы изучения таких исторических источников включают контент-анализ, который позволяет выявить основные темы, тон и перспективы, представленные в текстах. Например, можно анализировать, как разные источники описывают причины восстания – от сопротивления реформам до внешнего влияния. Официальные источники, такие как «Русский Инвалид» [9, с.2-3], склонны представлять реформы как попытку улучшить управление, видя сопротивление как результат дезинформации. Напротив, критические статьи, например, в «Голосе» [33, с.3], подчеркивают историческую вражду с уральскими казаками и считают реформы поспешными, что вызвало обоснованное сопротивление казахов.

Результаты

К 1860-м годам в управлении степными регионами Российской империи наблюдались значительные различия. Сибирская степь имела более развитую административную систему, включавшую города, коммуникации и стабильное управление, сформированное с 1830-х годов. В Оренбургской степи управление было ориентировано на пограничные территории, с ограниченным влиянием на удалённые казахские племена [13, с.22-31], некоторые из которых поддерживали связи с Хивинским ханством. Эти различия создавали путаницу и недовольство среди казахов, так как разные подходы применялись к одному и тому же населению.

В 1860-х годах российское правительство инициировало реформу под руководством статс-секретаря Бутакова, направленную на унификацию управления казахами. Вторая половина XIX века ознаменовалась активизацией российской колониальной политики в отношении Казахской степи. Особое значение имело стремление унифицировать систему управления обширными территориями, включающими в себя как старую Оренбургскую линию, так и новые завоеванные земли Туркестана. Эта политика получила выражение в серии реформ, центральное место среди которых заняли проекты, реализованные в 1860-е годы.

Одной из первых попыток систематизации управления кочевыми районами стала деятельность комиссии статс-секретаря А.И. Бутакова. Она была направлена в степь с целью изучения специфики быта киргизского (казахского) населения и выработки предложений по реформированию управления. Работа комиссии выявила ряд противоречий между имперскими административными моделями и реалиями кочевой жизни. Однако предложенные ею меры носили преимущественно рекомендательный характер и оставались во многом на бумаге [14, с.66-90].

Более радикальную позицию занял генерал-губернатор К. П. фон Барановский, а затем П. М.Безак, который последовательно отстаивал необходимость перехода к централизованной административной модели с назначением русских уездных начальников и упразднением системы султанатов. В 1868 году под его руководством был подготовлен и утверждён так называемый «Указ о введении положения о киргизах», известный в историографии как «Положение о степных областях» (или просто «Положение 1868 года»). Оно включало ключевые положения по административному делению, налогообложению, вопросам землевладения и вероисповедания.

Согласно «Положению», вся территория Зауральской степи делилась на две военные области (Уральскую и Тургайскую), каждая из которых включала четыре уезда. Уезды делились на волости, волости – на аулы. Впервые вводилась система выборности волостных управителей и аульных старшин, а также формально провозглашались гарантии свободы вероисповедания и сохранения кочевого образа жизни. Однако на практике административная вертикаль формировалась сверху вниз и сопровождалась усилением фискального давления.

Особое внимание заслуживает проект Н.Гирса [10, с.160], одного из ключевых архитекторов реформ в азиатских владениях империи. В его представлении, административная унификация должна была служить не только инструментом контроля, но и интеграции, построенной на упрощении языков общения, упорядочивании судопроизводства и отказе от «экзотических» форм власти. Тем не менее, в системе, ориентированной на оседлые европейские нормы, кочевой социум оставался чужеродным телом, не укладывающимся в представления о рациональности и дисциплине.

Важной особенностью периода реформ стало столкновение двух управленческих традиций – Оренбургской и Сибирской. Первая предполагала относительную автономию местных элит и гибкие формы взаимодействия с казахами, сложившиеся ещё с XVIII века. Вторая – централизованную модель с жёстким контролем. Введение Положения 1868 года означало победу сибирской системы, что вызвало недовольство многих представителей киргизской знати, опасавшихся утраты влияния и доходов.

Административные реформы 1860-х годов, таким образом, стали отправной точкой масштабных изменений, направленных на трансформацию степи в управляемое административное пространство. Однако отсутствие диалога с местным населением, игнорирование специфики кочевого уклада и усиление фискального давления привели к напряжённости и, в конечном итоге, стали одним из важнейших факторов, приведших к восстанию 1869 года. Новое «Положение» предусматривало: замену казахских султанов русскими чиновниками, введение системы избранных местных лидеров (волостных и аульных старшин), увеличение налогов для финансирования новой администрации.

Усиление беспорядков российские власти пытались объяснить в основном тем, что казахи поняли «Новое положение» превратно, в искаженном виде, т.е. как распространяемой татарскими муллами и казахскими султанами, которые по новым порядкам утрачивали свое прежнее влияние. Одним из элементов распространяемых по степи слухов была идея о том, что изъятие казахов из ведомства ОМДС (Оренбургского магометанского духовного собрания) - К.Е., «имеет намерение обратить их в Православие через два года, ибо «Положение» утверждено только на два года в виде опыта» [15, с.71-72]. Муллы и бывшие лидеры распространяли слухи о принудительном крещении и воинской повинности, что усилило недовольство. Казахы начали формировать вооружённые отряды, совершавшие набеги на русские поселения и торговые пути. Военные и гражданские власти были вынуждены действовать быстро и решительно, применяя силу для подавления мятежа.

Восстание казахов (казахов) в 1869 году охватило обширные территории Уральской и Тургайской степей. Оно стало прямым откликом на политику Российской империи по административной трансформации кочевого пространства и насильственное внедрение «Положения 1868 года». Вопреки ожиданиям властей, что реформы будут восприняты как шаг к «цивилизованному управлению», местное население расценило происходящее как угрозу своим базовым социальным, экономическим и религиозным практикам.

Одной из ключевых причин восстания стало усиление налогового давления. Новое административное деление сопровождалось введением упорядоченной и, как казалось чиновникам, «справедливой» системы податей. Документы того времени показывают, что чиновники воспринимали восстание как угрозу стабильности всей реформы. Вторым фактором стало восприятие «Положения» как попытки разрушения сакрального порядка. Реформа отменяла власть султанов – потомков Чингисхана, которые были носителями

легитимности с точки зрения ислама и тюркской традиции. Их заменяли русские уездные начальники, зачастую незнакомые с языком, обычаями и религией местного населения. Особенно тревогу вызывало положение о «свободе выбора мулл», которое расценивалось как попытка подорвать исламскую иерархию и ввести внешнее управление над духовной сферой.

Отдельного внимания заслуживает страх рекрутчины – несмотря на то, что Положение прямо освобождало казахов от воинской повинности, слухи о насильственном крещении и призыве в армию распространялись с невероятной скоростью. Это отражает глубинное недоверие к русским властям и демонстрирует, как неформальная коммуникация (слухи, предания, рассказы мулл) формировала восприятие власти в условиях информационного вакуума [16, с.229].

В апреле 1869 года в Оренбургском крае начались активные выступления. Казахские отряды нападали на почтовые станции, торговые пути и русские поселения. Одним из первых серьёзных инцидентов стало нападение на отряд полковника Штемпеля, который был окружён превосходящими силами повстанцев. В мае 1869 года отряд барона фон Штемпеля [17], состоявший из пехотной роты, двухсот уральских казаков и двух пушек, двигался от озера Житы-Куль к реке Уил. Несмотря на слухи о возможном нападении, 20 мая два казаха, заявили о готовности принять новые порядки. Штемпель освободил пленных, но это оказалось уловкой. Казахи внезапно окружили отряд, используя тактику быстрых конных манёвров. Они захватили 16 повозок и убили двух возниц. Отряд оказался в трудной позиции, страдая от жары и нехватки воды. Штемпель организовал оборону в форме каре, а решающий выстрел из пушки солдата, вызвал панику среди повстанцев, заставив их отступить. Отряд добрался до Калмыковской заставы, потеряв одного из адъютанта... Этот эпизод подчёркивает тактические трудности русских войск в степи и изобретательность казахов. Казахи потеряли тысячи голов скота и имущество, что привело к экономическому упадку. Русские поселенцы и торговцы также пострадали от грабежей [18, №28,29,33].

После восстаний были созданы комиссии, включая комитет под руководством генерала Крыжановского, для пересмотра политики. Бийские советы для урегулирования споров оказались малоэффективными. Русские власти ответили отправкой военных отрядов, включая казаков и пехоту. В прессе возникли дебаты о причинах и последствиях восстания, где мнения разделились между либеральными и консервативными кругами.

К июлю 1869 года основные очаги восстания были подавлены, хотя отдельные стычки продолжались до 1870 года. Хивинское ханство сыграло ключевую роль, отправляя агитаторов и военные отряды (до 6000 человек в 1869 году). Однако их усилия были ограничены логистическими проблемами и недостаточной поддержкой среди казахов. Первоначальные выступления начались весной 1869 года в районе нижнего течения Уила и Хобды. Уже к апрелю восстание охватило роды, кочевавшие вдоль реки Эмбы. По сообщению *«Русского инвалида»* и *«Биржевых ведомостей»*, мятежники собирались группами от 100 до 500 человек, организуя нападения на казачьи станицы, сжигая сено и угоняя скот. В мае-июне 1869 года наибольшую активность проявили вооружённые группы, действовавшие против гарнизонов на Илекской линии и в районе укреплений Эмбенского уезда.

Отдельные столкновения сопровождалось значительными потерями с обеих сторон. Согласно публикациям, в районе Горячинского форпоста было убито 11 казаков и 2 офицера. Имперская армия вынуждена была сформировать несколько карательных отрядов, одним из которых командовал подполковник Новокрещенов. Несмотря на численное превосходство киргизских отрядов, регулярная армия с артиллерией и кавалерией вскоре взяла верх. К лету 1869 года восстание было подавлено, но его последствия ощущались ещё долго – как в виде перемещений родов, так и в усилившихся репрессиях.

Особую активность в восстании проявили Адаевцы, кочевавшие в районе между Аральским и Каспийским морями. Это был один из наиболее сплочённых и мобильных родов, обладавший устоявшимися структурами внутреннего самоуправления. Именно они организовали нападения на Эмбенский пост и приняли участие в сражениях с отрядами Штемпеля и Веревкина [18, №28, 29, 33]. Шектинцы, один из влиятельнейших родов Тургайской области, официально выразили лояльность и подчинились «Положению». Однако часть родов в пределах их объединения, в том числе племена, кочевавшие вблизи Урала, оказывали пассивное сопротивление, отказываясь от взаимодействия с властями и укрывая беглецов. Кетинцы, кочевавшие по реке Хобде, заняли промежуточную позицию: часть из них активно участвовала в вооружённых акциях, другая часть предпочитала избегать прямого конфликта, высылая депутатов с просьбами о смягчении условий «Положения». Таким образом, реакция родов на реформы была неоднородной, что подчёркивает сложность социальной структуры степи и наличие у кочевых сообществ собственных стратегий адаптации и выживания. Одни обвиняли чрезмерную спешку реформаторов, другие – недостаточную жесткость властей в регионах. Мятежи рассматривались не как социально-политическая реакция, а как следствие подстрекательства «враждебных элементов», и именно в таком ключе строилась официальная риторика и политика подавления.

Первоначально подавление восстания было возложено на местные казачьи формирования, однако быстро стало ясно, что масштабы выступлений требуют вмешательства регулярной армии. С весны 1869 года в степь были направлены несколько военных отрядов, сформированных из регулярных частей, казачьих подразделений и иррегулярных помощников. Полковник Штемпель, действовавший в районе Эмбенского поста, столкнулся с организованным сопротивлением крупных групп мятежников, преимущественно из рода Адаевцев [19, №59]. Его отряду удалось занять укрепление, несмотря на нехватку продовольствия и трудности передвижения по бездорожью. Генерал-майор Веревкин, прибывший в западную часть Тургайской области, занял более стратегическую позицию: он одновременно руководил переговорами с лояльными родами и планировал принудительное введение «Положения». Его донесения в столицу подчёркивали, что сопротивление сохраняется в основном на Эмбе, а остальная часть степи «успокоена». Генерал Комаровский действовал более агрессивно: в его зоне ответственности (восточные уезды Оренбургского края) были организованы карательные экспедиции против аулов, укрывавших участников восстания. Его тактика включала угон скота, сожжение зимовок и арест старшин.

После подавления активной фазы мятежа (лето–осень 1869 г.), империя сделала ставку на создание новых укреплённых пунктов и усиление постоянного военного присутствия в степи. В районе Илека и Хобды были заложены новые форты и заставы, предназначенные для наблюдения за кочевыми маршрутами и пресечения потенциальных выступлений. Вдоль реки Эмбы строились форпосты, предназначенные для изоляции «проблемных» родов. Изменились и методы административного контроля: временно приостановив выборность аульных старшин, власти назначали управителей из числа «надежных» лиц или вводили прямое военное администрирование. В уездах, где сохранялась напряженность, практиковалось разделение родов на более мелкие административные единицы, чтобы подорвать их коллективную солидарность. Имперские меры включали как жесткие репрессии, так и точечные акты амнистии, направленные на стабилизацию ситуации. Сотни участников восстания были заключены, часть – сослана, отдельные аулы подверглись конфискации имущества. В то же время, с родами, выразившими лояльность, заключались договорённости об амнистии, при условии добровольного внедрения «Положения».

Официальные отчёты подчёркивали, что к осени 1869 года более 20 000 кибиток формально приняли новые административные нормы, что позволяло имперским чиновникам представить восстание как «локальный эпизод» [20, №134]. Однако реальное положение в степи оставалось напряжённым: усилилась миграция родов в менее

контролируемые районы, участились конфликты между «лояльными» и «мятежными» группами.

В долгосрочной перспективе, восстание 1869 года стало важным уроком для имперской администрации. Оно показало неэффективность одномоментных реформ без учёта специфики местных обществ. Впоследствии риторика «цивилизаторской миссии» уступила место более прагматичному подходу, допускающему компромиссы с традиционной структурой власти, особенно в духовной сфере. Конечно, вследствие превратно истолкованной информации и слухов российские власти могли отказываться от тех или иных намеченных реформ, или, наоборот, действовать еще более непоследовательно и непопулярно, демонстрируя политику, которую А. Каппелер назвал «прагматической гибкостью» [21, с. 129-135]

Реформы, направленные на централизацию управления и унификацию налоговой системы, резко ухудшили условия жизни казахов, особенно в Оренбургском крае, где местная администрация не справлялась с установлением порядка и безопасностью [12, кн. VII]. Положение усугубилось конфликтами между казахами и русскими поселенцами, грабежами и насилием, о которых широко сообщали газеты «Современная известия», 1869, №121, 134 [20, 22]. Пресса по запискам В. Потто [16], «Из походных записок о действиях в степи в 1869 году» В. Голованова [18, №28, 29]; «Всемирная иллюстрация», 1870, №53 [17], описывала восстание как масштабный конфликт, подчеркивая трудности военных операций Российской империи. По нарративным описаниям восстания например, наиболее драматическим эпизодом стала атака на отряд барона фон Штемпеля в урочище Казы-Бек, освещенная с точки зрения «героизма» русских солдат и казаков и хаотичности сопротивления. Однако, несмотря на первоначальные успехи восставших, восстание было подавлено силами Российской империи при помощи военных мер.

Обсуждение

Анализ газетных публикаций показывает, как имперские СМИ формировали образ восстания, часто демонизируя мятежников и оправдывая необходимость жесткого подавления. Местная администрация воспринималась прессой как неспособная обеспечить безопасность и порядок, что подтверждает кризис имперского управления окраинными территориями (Н. Середя, 1891; «Современная известия», 1869, №121). Важным элементом восприятия восстания было подчеркнутое противопоставление цивилизаторской миссии империи традиционному укладу жизни казахов.

Казахские восстания 1869-1870 годов иллюстрируют сложности колониального управления в условиях кочевого образа жизни. Реформы, хотя и направленные на «модернизацию», не учитывали культурные и социальные особенности казахов, что спровоцировало сопротивление. Внешнее влияние Хивы подчёркивает геополитическую конкуренцию в регионе. Документы предоставляют ценную информацию, но их преимущественно русская перспектива ограничивает понимание мотивов казахов. Для более полной картины необходимы дополнительные источники, такие как устные предания или хивинские архивы. События также подчёркивают необходимость гибкого подхода к управлению, что стало уроком для последующих реформ.

В 1869 году российское правительство ввело административную реформу «Положение», которая переорганизовала управление Казахской степью, разделив её на Тургайскую и Уральскую военные губернии. Реформа заменила традиционных казахских султанов на русских уездных начальников, ввела избираемых местных чиновников и увеличила налоги для финансирования новой администрации. Хотя реформа обещала сохранить казахские обычаи, свободу вероисповедания и освобождение от воинской повинности, она столкнулась с сильным сопротивлением, особенно в Уральском и западных регионах степи [21, с. 339]. Сопротивление переросло в восстание, в ходе которого казахские племена, формировали вооружённые отряды («шайки»), занимавшиеся налётами, угоном скота, поджогами и атаками на русские и лояльные казахские поселения. Российские власти ответили военными действиями, направив казачьи и пехотные

подразделения для подавления восстания и защиты лояльного населения. Восстание осложнялось внешним вмешательством, в частности, из Хивинского ханства, которое сотрудничало с повстанцами, предоставляя убежище и поддержку.

К концу 1869 года некоторые казахские племена, например, Шектинский род под руководством Есета Кутебарова, начали подчиняться новому порядку, и ситуация постепенно стабилизировалась, хотя напряжённость сохранялась. Восстание также повлияло на экономику, нарушив торговые пути в Туркестан и затронув оренбургских купцов. В качестве руководителей восстания источники называют Есет Кутебарова - лидера Шектинского рода, изначально он сопротивлялся, но позже принял «Положение», став помощником уездного начальника. А также Х.Арсланова - бывшего помощника султана, ключевого «фигуранта» в руководстве повстанческими отрядами, известного своей «хитростью» и лидерскими качествами, Азбергена Мунайтпасова - «беглого» казаха, сотрудничавшего с хивинскими силами, участвовавшего в налётах. Внешние агитаторы такие как фигуры из Хивы, включая Садыка (сына Кенесары), Назар (бунтарь) и Катты-Туру (сына Бухарского эмира), якобы по слухам «подстрекали» казахов к сопротивлению. Причины восстания варьируются в зависимости от источника, что отражает разные точки зрения: официальная российская перспектива («Русский Инвалид», «Биржевые ведомости»): восстание рассматривается как результат дезинформации и агитации со стороны бывших казахских элит (султанов, мулл) и внешних сил, таких как Хива. Указано, что реформы были направлены на благо казахов, сохраняя их обычаи, а сопротивление – следствие ложных слухов о принудительном крещении и воинской повинности. Например, «Русский Инвалид» отмечает, что 11 000 кибиток Шектинского племени приняли реформы мирно.

В критической перспективе (Всеобщая Газета», «Голос»», «СПБ. Ведомости» – Казах-Адаевец [19]: критикуют поспешное и нечувствительное внедрение реформ, подчёркивая историческую вражду между казахами и уральскими казаками. Например, «Казах-Адаевец» в «СПБ. Ведомости» обвиняет казаков в захвате земель (левый берег Урала) и угнетении, что стало ключевой причиной сопротивления. Слухи о культурной ассимиляции и экономических тяготах также упоминаются как триггеры.

Нейтральные наблюдательные отчёты по «Современным известиям» [20, 22, 24, с. 3-4.]: эти источники признают как усилия российских властей, так и обоснованные опасения казахов. Они отмечают роль слухов и внешнего влияния Хивы, но также указывают на сложности внедрения реформ в регионе с уникальными культурными и географическими условиями.

Анализ показывает разделение между официальными нарративами, поддерживающими российские реформы, и критическими взглядами, подчёркивающими исторические и культурные конфликты. Сравнение точек зрения разных источников на причины и участников, как показано выше свидетельствует о том, что восстание казахов 1869 года было важным событием, которое широко освещалось в русской прессе того времени. Пресса предоставляла информацию о причинах, ходе событий и последствиях, отражая сложность ситуации и различные точки зрения. Русские газеты и журналы, такие как «Русская мысль», отмечали, что восстание было вызвано административными реформами, которые угрожали традиционному образу жизни казахов. Реформы включали замену местных лидеров на русских администраторов и введение новых налогов, что вызвало недовольство. Пресса сообщала о массовых выступлениях, нападениях на русские укрепления и казачьи поселения. Например, «Всемирная иллюстрация» [27, с.10-11] подробно описала атаку на отряд барона фон Штемпеля, подчёркивая интенсивность сопротивления. Газеты освещали военные действия, такие как строительство укреплений и переговоры с повстанцами, а также экономические потери для казахов. Некоторые публикации критиковали действия властей, предлагая более культурно чувствительный подход. На основе анализа предоставленных документов, включая статьи из «Русской мысли» (1891-1892), сводки из различных газет и журналов 1869 года, а также детальный

отчёт из «Всемирной иллюстрации» (1870), можно выделить следующие аспекты освещения.

Русская пресса подробно анализировала причины восстания, связывая их с административными реформами, которые Россия пыталась внедрить в казахских степях. Местные газеты отражали страх перед дальнейшим распространением мятежа и предлагали усилить военное присутствие. Например, в «Русской мысли» [12, с.40-43] отмечалось, что реформы были проведены поспешно и без учёта местных обычаев, что вызвало недовольство среди казахов. Кроме того, пресса подчёркивала влияние внешних факторов, таких как агитация со стороны Хивинского ханства, которая усугубила ситуацию. Упоминалось, что хивинские и туркменские «банды», насчитывающие до 12 000 человек, пересекали российские территории, поддерживая повстанцев и проводя рейды на торговые пути, такие как Орск-Казалинский тракт.

Публикации в «Русской мысли» и «Биржевых ведомостях» подчеркивали необходимость соблюдения закона и порядка. Упоминалось, что восстание началось в начале 1869 года, с основными очагами сопротивления в районах рек Илек, Эмба и Хобда. Казахи формировали вооружённые отряды («шайки»), которые занимались рейдами, угоном скота, поджогами (например, сжиганием сена и усадеб) и нападениями на русские форты, казачьи поселения и даже на тех казахов, кто принял новые реформы. Некоторые статьи пытались оправдать действия восставших, объясняя их тяжелыми социально-экономическими условиями. Особое внимание пресса уделяла конкретным эпизодам. Например, в «Всемирной иллюстрации» подробно описан случай нападения на отряд барона фон Штемпеля у озера Джаман-Сай. Этот эпизод стал символом упорства повстанцев: отряд, состоящий из одной пехотной роты, двухсот уральских казаков и двух пушек, направлялся на Ойильскую ярмарку, но был атакован, когда находился в уязвимом положении, окружённый холмами. Казахи использовали тактику партизанской войны, включая поджоги сена для выкуривания русских войск, но в конечном итоге были рассеяны артиллерийским выстрелом русского солдата Сабатова. Пресса отметила, что казахи позже утверждали, что их было до 20 000 бойцов, и приписывали своё поражение божественному вмешательству, считая, что барон фон Штемпель молился за победу [27, с.10-11].

Русская пресса освещала военную реакцию на восстание, включая отправку нескольких отрядов в степь для подавления сопротивления, защиты лояльных казахов и строительства укреплений, таких как Ак-Тюбе и Уильская крепость [31, с.311]. Ключевыми военными лидерами, упомянутыми в газетах, были генералы Веревкин, Баллюзек и полковник граф Борх, с участием казахов, пехоты и артиллерии. Например, в «Русской мысли» описывалось, как генерал Веревкин разработал стратегию сосредоточения сил в бассейне реки Уиль, ключевой области для казахских собраний, что позволило рассеять повстанцев к концу июня 1869 года. К августу 1869 года восстание было в основном подавлено, хотя отдельные группы продолжали сопротивление, уходя в районы, такие как Хива [12, с.40-43]. Пресса также сообщала о попытках переговоров. Они подчеркивали отрыв центра от реальных нужд степного населения. Однако в некоторых публикациях, таких как «Санкт-Петербургские Ведомости», звучала критика в адрес уральских казаков, обвиняемых в жестокости и захвате земель, что, по мнению некоторых корреспондентов, подогревало казахское сопротивление. В то же время другие статьи защищали казаков, подчёркивая их роль как защитников границы и отрицая широкие злоупотребления.

Русская пресса не была единодушной в оценке событий. Например, «Русский Инвалид» [9] представлял более оптимистичную картину, сообщая о стабилизации ситуации и подчинении многих казахских групп. Напротив, «Всеобщая Газета» [32] и «Голос» [33, с.3.] подчёркивали серьёзность восстания, приписывая его поспешности реформ и исторической вражде между казаками и казачками. В «Санкт-Петербургских Ведомостях» корреспондент под псевдонимом «Казах-Адаевец» [19] обвинял казаков в жестокости, что вызвало ответные аргументы, защищающие их как необходимую силу на границе. Пресса также поднимала вопросы о эффективности реформ. Некоторые статьи предлагали, что

более медленный, культурно чувствительный подход мог бы предотвратить восстание, в то время как другие защищали реформы как необходимый шаг к «модернизации». Эти дебаты отражали более широкие общественные озабоченности по поводу колониальной политики и межэтнических отношений.

Таким образом, образ мятежа в прессе стал ареной борьбы различных политических нарративов. Пресса сообщала о мерах компенсации, организованных через собрания биев (местных лидеров), но признавала их недостаточность. Упомянулось о создании комиссий в 1871 году для пересмотра реформ, с целью предотвращения будущих волнений через более внимательное отношение к местным жалобам. Газеты также отражали опасения по поводу долгосрочной стабильности региона, особенно в свете внешних угроз от Хивы и других центральноазиатских государств. Например, в источниках отмечалось, что к середине 1869 года ситуация начала успокаиваться, но сохранялись риски новых волнений, особенно если внешняя агитация продолжится. Некоторые публикации, такие как в «Всемирной иллюстрации» [27, с.10-11], служили исправлением более ранних, менее точных отчётов в газетах. Например, детальный рассказ об атаке на отряд барона фон Штемпеля предоставил более точное представление о масштабах и интенсивности сопротивления, основываясь на свидетельствах очевидцев. Это подчёркивает, что пресса стремилась к большей точности, реагируя на первоначальные недочёты в освещении. Русская периодическая печать сыграла важную роль в формировании общественного восприятия казахского восстания 1869 года. Историография долгое время воспринимала это восстание как второстепенное, хотя документы говорят об обратном.

«Русский инвалид» [9, с.2-3], как официальное правительственное издание, представлял восстание как локальное и почти завершённое. В №107 от 1869 года подчёркивается, что «11 000 кибиток Чиклинского рода уже приняли новое Положение» и что сопротивление «ограничивается лишь некоторыми родами на Эмбе». Такая риторика маскировала масштабность восстания и транслировала образ успешной имперской миссии.

В «Современных известиях» [22,26] содержится более разнообразная информация, в том числе корреспонденции с места событий. Например, в №121 и №134 упоминаются «недоразумения» и «волнения», но при этом подчеркивается, что казаки страдают от «недоверчивости» казахов, которые «не содействуют в поимке хищников» и «укрывают мятежников». Автор статьи отмечает: «по нашему, теперь в степи не недоразумение, а просто уж волнение, пожалуй – возмущение».

«Русская мысль», в отличие от сугубо официальных изданий, в 1890-х годах опубликовала ретроспективные материалы (в частности, работы Н.Середы), в которых признавалась непоследовательность и грубость имперской политики в степи [14, с.22-31]. Середа приводит подробности «жестоких подавлений» и указывает на «системное непонимание степного уклада».

Анализ текстов показал, что пресса систематически воспроизводила бинарную оппозицию: «цивилизованная Россия» – «дикая степь». Восстание интерпретировалось не как политическая реакция или форма самоорганизации, а как следствие «варварской ментальности», «ложных слухов» и «влияния мулл и интриганов». Например, в корреспонденции «Биржевых ведомостей» [28,29,30] говорится, что «народ киргизский, в массе своей, не осознаёт преимуществ нового положения» и «подвержен ложным слухам о крещении». Такой подход позволял легитимировать насильственные меры как необходимую педагогическую стратегию: восстание – как следствие непонимания, а подавление – как часть процесса просвещения и «введения в гражданство». Участие казахских родов в сопротивлении представлялось следствием их «податливости к фанатизму» [31], а не рациональной реакции на угрозу их укладу жизни.

Реформы, в том числе «Положение о киргизах», в публичной риторике освещались как дар императора, акт великодушия, направленный на благо «непросвещённого народа». Генерал-губернатор, обращаясь к казахам, утверждал: «Государь Император... дарует вам право строить мечети и выбирать мулл по своему усмотрению... но вы не достойны

выборов, если не оцените этой милости». В то же время оправдание насилия строилось на аргументации о «неизбежности» – как будто бы империя вынуждена защищаться от неблагодарного и неразумного подданного. Официальная пресса подчёркивала: «Необходимо выслать диверсионные отряды... для предотвращения дезорганизации управления и отпадения кочевых масс от влияния России».

Заключение

Таким образом, восстание 1869 года в русской печати не рассматривалось как выражение политического сознания или протеста против колониального вмешательства. Оно было включено в идеологическую схему, в которой Россия выполняла роль «просветителя», а кочевники – роль пассивных объектов этого просвещения. Такая логика позволяла оправдывать любые формы насилия – от сожжений аулов до депортаций – как «военно-административные меры», необходимые для установления порядка. Русская пресса того времени играла важную роль в формировании общественного мнения о восстании 1869 года. Она не только сообщала о событиях, но и предоставляла анализ причин, критику действий властей и разнообразные точки зрения на управление казахскими степями. Это отражает сложность и многоаспектность восприятия восстания в русском обществе, подчёркивая необходимость более внимательного подхода к колониальной политике.

Контент-анализ материалов о восстании 1869 года показывает, что это был сложный конфликт, вызванный введением «Положения», сопротивлением казахов и внешним вмешательством. Официальные источники видят реформы как благо, тогда как критические подчёркивают их поспешность и угнетение. Эти различия подчёркивают трудности управления колониальными окраинами в рамках империи и реакции местного казахского населения на реформы правительства, как нам представляется, была сильным сдерживающим фактором, который потенциально ослаблял российские власти [15, с.52].

Исследования показывают, что восстание казахов 1869 года в Уральской и Тургайской областях получило значительное внимание в русской прессе, отражая как официальные, так и критические точки зрения. Кажется вероятным, что пресса подчёркивала причины восстания, такие как административные реформы и внешнее влияние Хивинского ханства, а также военные действия и их последствия. Существуют разногласия в оценках, с одной стороны, оптимистическими отчётами о стабилизации, а с другой - критикой поспешности реформ и роли казаков.

Восстание казахов 1869 года в Уральской и Тургайской степях стало одним из важнейших эпизодов сопротивления колониальной политике Российской империи в Центральной Азии. Оно возникло не как спонтанный бунт, а как результат системных противоречий между имперским проектом административной унификации и реальностями кочевого уклада. Новое «Положение о киргизах» 1868 года, хотя и декларировало цели «модернизации» и правопорядка, воспринималось населением как посягательство на традиционный образ жизни, социальную и религиозную автономию.

Оценка результатов восстания показывает его двойственную природу. С одной стороны, оно было жестко подавлено: к осени 1869 года большинство родов формально подчинились требованиям властей, а ключевые лидеры были арестованы или нейтрализованы. В степи было усилено военное присутствие, построены новые форты, введены репрессивные меры, изменены формы управления. Империя, казалось бы, добилась стратегического контроля над регионом. С другой стороны, восстание выявило предельные границы имперского проекта в Степи. Оно показало, что насильственное присоединение кочевых обществ в бюрократическую и правовую систему, заимствованную из европейской части империи, не может быть успешной без учета культурной специфики, родо-племенной структуры казахского общества, обычаев и мобильности населения. Имперская власть столкнулась с тем, что формальное введение законов не гарантирует реального повиновения, а территориальный контроль не означает легитимности в глазах местного населения.

В таких ситуациях, согласно П. Верту, истолкование преобразований (изъятие казахов из ведения ОМДС [23] (Оренбургского магометанского духовного собрания) - К.Е., закрытие мечетей и др.), распространявшихся обычно путем слухов, ограничивало действия властей, заставляя их идти на компромисс, или совсем отказываться от той или иной акции [34, с.58]. Реформа по изъятию казахов из ведомства муфтиата была логическим продолжением общеимперских и региональных проектов по преобразованию мусульманских институтов в целом в Российской империи. В этом смысле восстание сыграло важную роль в трансформации имперской политики в регионе. Новая интерпретация подчеркивает его значимость как индикатора кризиса колониальной модели управления. Власть стала уделять больше внимания «умиротворению» через договорённости и селективное признание степной специфики, а не только через репрессивные кампании. Восстание 1869 года стало не просто протестом против реформ, а сигналом того, что методы управления, навязываемые центром, не соответствовали жизни и ожиданиям кочевников. Это событие показывает, как незнание или игнорирование местных реалий может привести к кризису. Исследование позволяет глубже понять, почему восстание произошло, как оно осмысливалось современниками и какие образы формировались в общественном мнении. Оно также подчёркивает границы возможностей империи при попытке установить власть в сложном и многонациональном регионе.

В контексте восстания 1869 года действия Российской империи в степях нельзя воспринимать как простую реакцию на периферийное недовольство. Это было частью масштабного, системно выстроенного проекта колониального расширения, в котором унификация управления, милитаризация границ и замена местных властей шли рука об руку. Как подчёркивает Моррисон, «Российское правление в Туркестане не было импровизацией или непоследовательностью. Напротив, оно представляло собой целенаправленные усилия, направленные на то, чтобы подчинить регион рациональной и централизованной системе имперского управления» [35, с. 537]. Это позволяет понять восстание не как исключение или сбой, а как логичную и неизбежную форму ответа на стремление империи подчинить и стандартизировать сложное и разнообразное казахское общество.

Таким образом, восстание 1869 года оказалось поворотным пунктом в истории российской колониальной политики в Центральной Азии. Оно не просто обозначило сопротивление, но и вызвало переоценку имперской стратегии в отношении кочевых обществ. Для историков это событие представляет собой не только эпизод насилия и конфликта, но и ценное свидетельство о границах власти, природе империи и механизмах адаптации на периферии. Восстание 1869 года в Уральской и Тургайской областях стало ярким проявлением кризиса российского имперского управления. Пресса того времени играла значительную роль в формировании общественного мнения, акцентируя внимание на неуправляемости окраин и необходимости жестких мер для восстановления порядка.

Список использованной литературы:

1. *Материалы по истории политического строя Казахстана. В 2 т. Т. 1. – Алма-Ата: Изд-во Академии наук Казахской ССР, 1960. – 445 с.*
2. Герасимов И., Глебов С., Каплуновский А., Могильнер М., Семёнов А. В поисках новой имперской истории // *Ab Imperio*. 2005. №1. – URL: <https://zeithistorische-forschungen.de/sites/default/files/medien/material/abimperio.pdf>
3. Саид Э. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. В.Гольшиева, С.Силаева. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2006. – 560 с. – URL: https://ru.esimde.org/wp-content/uploads/2017/12/said_edvard_orientalizm.pdf
4. Burbank J., Cooper F. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. – Princeton: Princeton University Press, 2010. – 511 с. – URL: <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691152363/empires-in-world-history>

5. Sunderland W. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. – Ithaca: Cornell University Press, 2004. – 312 с. – URL: <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9780801442556/taming-the-wild-field>
6. Crews R.D. *For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2006. – 463 с. <https://doi.org/10.1215/0961754X-2009-041>
URL: https://www.academia.edu/53227915/For_Prophet_and_Tsar_Islam_and_Empire_in_Russia_and_Central_Asia
7. Etkind A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. – Cambridge: Polity Press, 2011. – 254 с. URL (PDF): <https://dokumen.pub/internal-colonization-russias-imperial-experience-9780745651293.html>.
8. Stoler A.L. *Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule*. – Berkeley: University of California Press, 2002. – 336 с. – URL: <https://www.ucpress.edu/book/9780520232625/carnal-knowledge-and-imperial-power>
9. Русский инвалид. Из Оренбурга. 1869. 107.
10. Сулейменов Б. "Подготовка реформы 1867 - 1868 гг. в Казахстане. // Известиях Казахского филиала Академии наук СССР. 2(27) 1946 г. - 160 стр.
11. Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (о казахах) / А.Е. Алекторов; [под общ. ред. У.К. Калижанова; сост.: Албеков Т., Орынгалы К.С., Мурсалимова Н.; пер. текста на современную каз. графику: А. Ахетов]... – Алматы: Әдебиет Әлемі, 2013. - 975 с.
12. Середа Н. Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания 1869-1870 гг.). IV. Действие отрядов в степи Уральской области. V. Торжество бунтовщиков по поводу отступления русских отрядов. – VI. - События в степи Тургайской области. - Участие Хивы в последних беспорядках и причины его влияния на за эмбенских ордынцев). // Русская мысль. – 1891. – Кн. VII. – С. 40-43. Еще у этого автора имеется «Неопубликованная записка о восстании 1869 г.» в Оренбургском областном государственном архиве, фонд 6, опись 10-й.
13. Середа Н. Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания 1869-1870 гг.) // Русская мысль. – 1891. – Кн. X. – С. 66-90.
14. Середа Н. Из истории волнений в Оренбургском крае (Материалы для истории последнего киргизского восстания 1869-1870 гг.) // Русская мысль. – 1891. – Умиротворение степи и удовлетворение пострадавших. Кн. VIII. – С. 66-90. – Русская мысль - 1892, Книга X. С. 22-31.
15. Шаблей, П.С. Оренбургское магометанское духовное собрание и проекты преобразования мусульманских институтов в казахской степи в 50-60 гг. XIX в / П.С. Шаблей // *Tartaria Magna*. – 2012. – №1. – С. 48-84. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17670693>
16. Потто В. О степных походах // Публичные лекции в Оренбургском юнкерском училище 1872г. – Военный сборник. – 1873. – №4. – С. 229-267.
17. Эпизод из последнего киргизского восстания // Всемирная иллюстрация. – 1870. – №53
18. Уральские Войсковые Ведомости. Отдел неофициальный. В. Голованов. Из походных записок о действиях в степи в 1869 году. – 1871. 28, №29, №33.
19. СПб. Ведомости. (Корреспонденция «Спб. Ведомостей»). – 1869. 59.
20. Современные известия. Из Оренбурга – 1869. – №134.
21. Каппелер А. Две традиции в отношении России к мусульманским народам Российской империи // Отечественная история. 2003. №2.
22. Современные известия. Дела в Оренбургской степи – 1869. – №121
23. «Об управлении духовными делами киргизов» Временного Положения 1868 г. п. 252, 254-256 // Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. I. - А-А., 1960.
24. Современные известия. Из Оренбурга. 1869. – №121.

25. Биржевые ведомости. Внутренняя почта. Оренбург. – 1869 – №149.
26. Современные известия. Дела в Оренбургской степи. - 1869. – №134.
27. Всемирная иллюстрация. Н.Ф.(неизвестный автор). Эпизод из последнего Киргизского восстания. Нападение на отряд барона Штеммпеля вооруженных шаек киргиз, по дороге от озера Джиты-Куль до урочища Казы-Бек на Р. Уил. -1870. – №12.
28. Биржевые ведомости. Внутренняя почта. Оренбург. - 1869. – №150.
29. Биржевые ведомости. Внутренняя почта. Оренбург. - 1869. – №76.
30. Биржевые ведомости. Из Оренбурга 1869. – №1157
31. События в степи Уральской области в 1869 г. [Брошюра Юрко]. – Б.м., б.г. – 38 с.
32. Всеобщая газета. Областной отдел – 1869. – №11.
33. Голос. Из Оренбургского Края (корреспонденция «Голоса»). -1869. – №278-186; Голос. С Урала (корреспонденция «Голоса»). – 1869 - №95.
34. Верт Пол В. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. Сост. П.Верт, П.С.Кабытов, А.И. Миллер. - Москва, 2005. - с. 48-74.
35. Morrison A. The Russian Conquest of Central Asia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 640 с. <https://doi.org/10.1017/9781139343381>
 URL:https://www.academia.edu/1415703/The_Russian_Conquest_of_Central_Asia_A_Study_in_Imperial_Expansion_1814_1914

References:

1. Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan]. 1960. Vol. 1. - Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR.
2. Gerasimov, I.S. Glebov, A. Kaplunovskii, M. Mogilner, and A. Semenov. 2005. "V poiskakh novoi imperskoi istorii" [In Search of a New Imperial History]. Ab Imperio, no. 1. <https://zeithistorische-forschungen.de/sites/default/files/medien/material/abimperio.pdf>.
3. Said, Edward W. 2006. Orientalism: Zapadnye kontseptsii Vostoka [Orientalism: Western Conceptions of the East]. Translated by V.Golyshev and S.Silaev. - Moscow: Kanon+.
4. Burbank, Jane, and Frederick Cooper. 2010. Empires in World History: Power and the Politics of Difference*. Princeton: Princeton University Press. <https://press.princeton.edu/books/paperback/9780691152363/empires-in-world-history>.
5. Sunderland, Willard. 2004. Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. Ithaca: Cornell University Press. <https://www.cornellpress.cornell.edu/book/9780801442556/taming-the-wild-field>.
6. Crews, Robert D. 2006. For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia*. Cambridge, MA: Harvard University Press. https://www.academia.edu/53227915/For_Prophet_and_Tsar_Islam_and_Empire_in_Russia_and_Central_Asia.
7. Etkind, Alexander. 2011. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. - Cambridge: Polity Press.
8. Stoler, Ann Laura. 2002. Carnal Knowledge and Imperial Power: Race and the Intimate in Colonial Rule. Berkeley: University of California Press. <https://www.ucpress.edu/book/9780520232625/carnal-knowledge-and-imperial-power>.
9. Russkii invalid [Russian Invalid]. 1869. "Iz Orenburga" [From Orenburg], no. 107.
10. Suleimenov, B. 1946. "Podgotovka reformy 1867-1868 gg. v Kazakhstane" [Preparation of the 1867-1868 Reform in Kazakhstan]. Izvestiia Kazakhskogo filiala Akademii nauk SSSR [News of the Kazakh Branch of the USSR Academy of Sciences], no. 2(27).
- Alektorov, A.E. 2013. Ukazatel knig, zhurnalnykh i gazetnykh statei i zametok o kirgizakh (o kazakhakh) [Index of Books, Journal and Newspaper Articles and Notes about the Kyrgyz (about kazakhakh)]

the Kazakhs)]. Edited by U.K. Kalizhanov. Compiled by T.Albekov, K.S. Oryngali, and N.Mursalimova. Translated into modern Kazakh script by A.Akhetov. - Almaty: *Ádebiyet Álemi*.

12. Sereda, N. 1891. "Iz istorii volnenii v Orenburgskom krae (Materialy dlia istorii poslednego kirgizskogo vosstaniia 1869-1870 gg.)" [From the History of Unrest in the Orenburg Region (Materials for the History of the Last Kyrgyz Uprising of 1869-1870)]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought], bk. VII.

13. Sereda, N. 1891. "Iz istorii volnenii v Orenburgskom krae (Materialy dlia istorii poslednego kirgizskogo vosstaniia 1869-1870 gg.)" [From the History of Unrest in the Orenburg Region (Materials for the History of the Last Kyrgyz Uprising of 1869-1870)]. *Russkaia mysl'* [Russian Thought], bk. X.

14. Sereda, N. 1892. "Iz istorii volnenii v Orenburgskom krae (Materialy dlia istorii poslednego kirgizskogo vosstaniia 1869-1870 gg.). Umirotvorenii stepi i udovletvorenii postradavshikh" [From the History of Unrest in the Orenburg Region... Pacification of the Steppe and Compensation for the Victims]. Russkaia mysl' [Russian Thought], bk. X.

15. Shablei, P. S. 2012. "Orenburgskoe magometanskoe dukhovnoe sobranie i proekty preobrazovaniia musul'manskikh institutov v kazakhskoi stepi v 50-60 gg. XIX v" [The Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly and Projects for the Reform of Muslim Institutions in the Kazakh Steppe in the 1850s-60s]. Tartaria Magna, no. 1. <https://elibrary.ru/item.asp?id=17670693>.

16. Potto, V. 1873. "O stepnykh pokhodakh" [On Steppe Campaigns]. Voiennyi sbornik [Military Collection], no. 4.

17. "Epizod iz poslednego kirgizskogo vosstaniia" [An Episode from the Last Kyrgyz Uprising]. 1870. Vsemirnaia illiustratsiia [World Illustration], no. 53.

18. Golovanov, V. 1871. "Iz pokhodnykh zapisok o deistviiakh v stepi v 1869 godu" [From Campaign Notes on Actions in the Steppe in 1869]. Ural'skii Voiskovyi Vedomosti [Ural Military Gazette], nos. 28, 29, 33.

19. Sankt-Peterburgskii vedomosti [St. Petersburg Gazette]. 1869. "Korrespondentsiia «Spb. Vedomosti»" [Correspondence of "St. Petersburg Gazette"], no. 59.

20. Sovremenniaia izvestiia [Contemporary News]. 1869. "Iz Orenburga" [From Orenburg], no. 134.

21. Kappeler, Andreas. 2003. "Dve traditsii v otnosheniiakh Rossii k musul'manskim narodam Rossiiskoi imperii" [Two Traditions in Russia's Relations with the Muslim Peoples of the Russian Empire]. Otechestvennaia istoriia* [National History], no. 2.

22. Sovremenniaia izvestiia [Contemporary News]. 1869. "Dela v Orenburgskoi stepi" [Affairs in the Orenburg Steppe], no. 121.

23. "Ob upravlenii dukhovnymi delami kirgizov" Vremennogo Polozheniia 1868 g. p. 252, 254-256. 1960. In Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana [Materials on the History of the Political System of Kazakhstan], Vol. 1. Alma-Ata: Izdatel'stvo Akademii nauk Kazakhskoi SSR.

24. Sovremenniaia izvestiia [Contemporary News]. 1869. "Iz Orenburga" [From Orenburg], no. 121.

25. Birzhevia vedomosti [Stock Exchange Gazette]. 1869. "Vnutrenniaia pochta. Orenburg" [Domestic Mail. Orenburg], no. 149.

26. Sovremenniaia izvestiia [Contemporary News]. 1869. "Dela v Orenburgskoi stepi" [Affairs in the Orenburg Steppe], no. 134.

27. Epizod iz poslednego Kirgizskogo vosstaniia. Napadenie na otriad barona Shtempelia vooruzhennykh shaek kirgiz, po doroge ot ozera Dzhity-Kul' do urochishcha Kazy-Bek na R. Uil" [An Episode from the Last Kyrgyz Uprising...]. 1870. Vsemirnaia illiustratsiia [World Illustration], no. 12.

28. Birzhevia vedomosti [Stock Exchange Gazette]. 1869. "Vnutrenniaia pochta. Orenburg" [Domestic Mail. Orenburg], no. 150.

29. Birzhevia vedomosti [Stock Exchange Gazette]. 1869. "Vnutrenniaia pochta. Orenburg" [Domestic Mail. Orenburg], no. 76.

30. *Birzheviia vedomosti* [Stock Exchange Gazette]. 1869. "Iz Orenburga" [From Orenburg], no. 1157.
31. "Sobytiia v stepi Ural'skoi oblasti v 1869 g." [Events in the Steppe of the Ural Oblast in 1869]. N.d. [Brochure by Jurko]. 38 pp.
32. *Vseobshchaia gazeta* [Universal Gazette]. 1869. "Oblastnoi otdel" [Regional Department], no. 11.
33. *Golos* [The Voice]. 1869. "Iz Orenburgskogo Kraia (Korrespondentsiia «Golosa»)" [From the Orenburg Region (Correspondence of "The Voice")], no. 186, 278; "S Urala (Korrespondentsiia «Golosa»)" [From the Urals (Correspondence of "The Voice")], no. 95.
34. Vert, Paul W. 2005. "Ot 'soprotivleniia' k 'podryvnoi deiatel'nosti': vlast' imperii, protivostoianie mestnogo naseleniia i ikh vzaimozavisimost'" [From "Resistance" to "Subversion": Imperial Power, Local Opposition, and Their Interdependence]. In *Rossiiskaia imperiia v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: Antologiiia* [The Russian Empire in Foreign Historiography. Recent Works: An Anthology], compiled by P.Vert, P.S. Kabytov, and A.I. Miller, 48-74. - Moscow: Novoe izdatel'stvo.
35. Morrison, Alexander. 2014. *The Russian Conquest of Central Asia*. Cambridge: Cambridge University Press.
https://www.academia.edu/1415703/The_Russian_Conquest_of_Central_Asia_A_Study_in_Imperial_Expansion_1814_1914.